

МАТЕРИАЛЫ СЕМИНАРА «ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РУССКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ». Часть третья

Аннотация. В первом блоке публикации изложено содержание доклада Ф. Ларюэля «По направлению к философии, признаваемой современной» и описано его остро-дискуссионное обсуждение на семинаре русско-французской исследовательской группы в марте 2013 года в Иерусалиме.

Во втором блоке публикуется статья Л.А. Гоготишвили «Философия языка Лосева и «Не-философия» языка Ларюэля». Сопоставление языковых концепций А. Лосева и Ф. Ларюэля ведется на фоне проблемы соотношения в философском дискурсе операциональных и непосредственно тематических форм выражения смысла. Высказывается положение, что вопрос: можно ли рассматривать «придание в философии центрального статуса языку как источнику операциональности» и «снижение тематизма философии» как тезисы, находящиеся в жесткой причинно-следственной связи? — не имеет однозначного решения, поскольку дело состоит не в признании приоритета за языковой операциональностью или, напротив, за прямым тематизмом, а в различных по цели дискурсивных стратегиях обращения с нейтрально-равноценными операциональной и тематической сторонами языка. На основе соотнесения сквозных операциональных принципов Лосева и Ларюэля (усеченного монизма и односторонней дуальности) реконструируются обоснованные обоими философами дискурсивные стратегии, принципиально разные по операциональной технике, но общие по телеологическому замыслу (достижение адекватности).

Ключевые слова: философия, Ф. Ларюэль, А. Лосев, тематизм, операциональность, односторонний дуализм, усеченный монизм, дискурсивные стратегии, эйдетический язык, трансцендентальный язык.

ТРЕХСТОРОННЯЯ ДИСКУССИЯ О «СОВРЕМЕННОМ ТИПЕ» ФИЛОСОФСКОГО МЫШЛЕНИЯ

В настоящем номере журнала продолжается обсуждение семинаров русско-французской исследовательской группы¹. (Первая часть мате-

риалов семинара «Взаимоотношения русской и европейской философии» издана в «Философия и культура», 2011, № 4; вторая часть — в «Философия и культура», 2011, № 5).

В сентябре 2012 г. в Бордо состоялся очередной летний семинар. Вся относящаяся к нему информация (программы, презентации, архивы, переводы и т.д.) доступна на сайте: <http://www.msha.fr/cercs>.

Следующий зимний семинар состоялся в марте 2013 года в иерусалимском Институте Ван-Лиера (организатор семинара — Т. Караченцева, Иерусалимский университет). Тема семинара — «Особенности современного мышления и стиля философствования». Ключевой доклад — «По направлению к философии, признаваемой современной» — сделал Франсуа Ларюэль². Современное мышление было

¹ Постоянные участники группы: с французской стороны — Ларюэль Франсуа (почетный профессор университета Paris X); Денн Марица (Université Bordeaux 3, профессор, доктор философии); Ланн Жан-Клод (PR, Université de Lyon 2); Серс Филипп (Faculté Notre-Dame, Collège des Bernardins à Paris, философ, эссеист и искусствовед, доктор философии); с российской стороны — Гоготишвили Людмила (Институт философии Российской Академии наук, Москва); Хоружий Сергей Сергеевич (Институт философии Российской Академии наук, Москва); Козырев Алексей (профессор философии, Московский Государственный университет им. Ломоносова); Троицкий Виктор (Библиотека-музей «Дом Лосева», Москва). В 2011 году в группу была включена Татьяна Караченцева (Иерусалимский Университет). Руководитель группы — М. Денн.

² Подробную справку о Ф. Ларюэле и публикацию его московского доклада, сделанного в ИФ РАН осенью 2010 г. — см.: Философия и культура. 2011. № 4.

представлено в докладе как принципиально расходящееся с «классическим» мышлением и дискурсом «модерна», а также — «постмодерна», от которого «современное мышление», по Ларюэлю, также в корне отлично. На второй день семинара Ларюэль представил краткую презентацию своей «не-философии». Содокладчицей выступила А.-Ф. Шмид, акцентировавшая эпистемологическую составляющую «современного типа мышления».

В обсуждении докладов Ф. Ларюэля и А.-Ф. Шмид приняли участие проф. Габриэль Моцкин (директор Института Ван-Лиера), проф. Мариз Денн (Университет Бордо-3), А.-Ф. Шмид (Лион); Людмила Гоготишвили (ИФ РАН), Илья Дворкин (Иерусалимский университет, Центр Чейза), Татьяна Караченцева (Иерусалимский университет), Йоэль Регев (Иерусалимский университет), Михаэль Рубак (Иерусалимский университет), Хаим Доэль-Лусски (Тель-Авивский университет), Дрор Инон (Институт Хартмана) и др.

Экспозиция темы

Прежде чем перейти к содержанию ключевого доклада Ф. Ларюэля в первый день семинара, несколько предварительных слов в порядке ознакомительного введения к теме. Исходно концепция Ларюэля опиралась на прямой тематический постулат о *Реальном как радикальной имманентности*, следующим шагом Ларюэль связал имманентное Реальное с общечеловеческим родовым. Особо значимым в контексте проблемы типа мышления стало имплантирование в не-философию квантовой теории («квантических» терминов), в результате которого Родовому как радикально имманентному Реальному были, в частности, приданы 1) *волновая природа* 2) *векторная направленность* и 3) *суперпозиция*. С точки зрения стиля мышления маркированной особенностью доктрины Ларюэля является сопряжение максимально «человеческого» содержания и максимальной же «бесстрастности». Фактически Ларюэль предлагает не-философию такого *человеческого Родового*, которое, будучи связываемо только с рафинированной асоциальной научностью и последовательно определяясь как *радикально имманентное*, объявляется тем самым как принципиально *вне-историчное, вне-темпоральное, вне-социальное, вне-аффективное, вне-семантическое, вне-коммуникативное, не-агрессивное, а-религиозное* и т.д. Философия в

такой интерпретации лишается многих обычно присущих или приписываемых ей свойств. Например — *воли к власти* (это обстоятельство подчеркивалось Ларюэлем и в московском докладе³). Понятно, что на фоне современного философского контекста, в котором темпоральное, историческое, социально дифференцированное, агрессивное, конфликтное и т.д. нередко составляют координатные оси рассуждения, ларюэлевская философия, действительно, не стандартна (*нестандартная философия* — второе самоназвание не-философии). Именно вокруг этих нестандартных отличительных свойств не-философии во многом и «кружилось» обсуждение доклада, достигавшее в некоторых случаях принципиальной остроты.

Та же установка не-философии на «бесстрастность» привела в конечном счете Ларюэля и к необходимости обоснования некоего нового — *современного* — стиля мышления, стиля, который «должен быть», с его точки зрения, свойствен современной философии вообще, но который — во исполнение «чуда предустановленной гармонии» (как сказал в докладе Ларюэль) — во многом совпадает со стилистическим обликом не-философии.

Доклад Ф. Ларюэля

В первый день семинара Ларюэль представил на английском доклад «*По направлению к философии, признаваемой современной*». Современный стиль мышления рождается, по Ларюэлю, в парадоксальном средоточии перенасыщенной пустыни — всегда уже перенаселенной конкурирующими идеями и одновременно зияющей пустотами. Если «классический» дискурс философии и стиль «модерн» преимущественно являются, по Ларюэлю, повторениями или иногда вариациями преднаходимого в философии, то современное мышление в каждом случае должно стремиться *пере-изобрести* смысл, а не воспринимать его уже предсуществующим. Стилистику современного мышления следует поэтому строить как *генерализацию* (в смысле родового нейтрализующего аффекты обобщения), с одной стороны, *плоскостности* нулевой степени повседневного языка, с другой — категориальности и концептуальных изощрений научной и философской речи. В качестве искомым эффектов современного стиля мышления Ларюэль назвал среди

³ См.: Философия и культура. 2011. № 4.

прочего 1) снижение доминирования *концептов* и *философской сущности*; 2) внутри наук — снижение статуса формальной математики, 3) деструкцию *акта восприятия* и 4) деконструкцию принятой модели *репрезентации*. Уже из этих четырех (далеко не исчерпывающих содержание доклада) тезисов видно, что «бомбы» закладываются Ларюэлем под несущие опоры оспариваемых им типов мышления.

Одним из главных и одновременно специфически-авторских способов достижения описанных деструктивных эффектов является у Ларюэля *квантика* (не-философская трансформация квантовой механики). Современное мышление может достичь названных эффектов, по Ларюэлю, вследствие того, что оно толкуется как детерминированное в своей последней инстанции квантической «*векториальностью*», исходящей из волнового Реального, т.е. радикально имманентного Родового. «Родовое» постулируется недоступным познанию, но — в некотором смысле — ощутимым в его действительности и ориентированности мыслительной силой сознания, которое должно стремиться функционировать в векторном «соответствии» с ним (а не «познавая» его). В квантических терминах эта недоступность Родового мышлению обозначается как его нахождение в *суперпозиции*. По Ларюэлю, суперпозициональное (в пределе — *вне-позициональное*) Имманентное Родовое несопоставимо ни с мыслящим тростником Паскаля, ни с ризомой Делеза, ни с переплетением/смещением Деррида и Лакана. Не переключается оно и со спинозизмом, и с экзистенциализмом, и с уже «старомодным», по мнению Ларюэля, событийным бадьюизмом.

Изначальная *ориентированность* современного мышления, придаваемая ему волновой векторной направленностью непознаваемого имманентного Родового, является, по Ларюэлю, его кардинальным отличительным свойством. Если, например, делезианский «драйв» бесконечен и *дез-ориентирован*, будучи тем самым вынужден само-ориентироваться при помощи трансцендентной фигуры Эдипа, то ориентировка «драйва» современного мышления не нуждается ни в трансцендентном, ни в трансцендентальном: оно ориентировано имманентно-волновым Родовым. Если классический стиль пользуется абсолютной (надо понимать: ориентированной как угодно) спекуляцией, а модерн — дезориентированной спекуляцией, то радикально-имманентно-родовая ориентация современного мышления делает его,

по Ларюэлю, принципиально *не-спекулятивным*. А соответственно и *не мифологичным*, в то время как модерн, по оценке Ларюэля, вплоть до Бадью — в той или иной мере движется по мифологическим лекалам.

В качестве значимого лакмусового различителя типов мышления Ларюэль рассматривает также структуру конфигурации *субъект/Другой*. Различия в толковании соотношений членов этой структуры составляют, по Ларюэлю, ядро каждого стиля мышления. Есть два или три основных типа толкования этого соотношения. В платоническом (т.е. классическом) стиле Другой преимущественно понимается как имплантированный в Эго и там обезличенный, а потому как тендирующий к «математическому идеалу» (Платон, Декарт, Спиноза, Бадью). Что касается модерна, то в одной его ветви (Деррида под влиянием Левинаса) доминирует идея *экстра-территориальности Другого* (т.е. Другой внеположен Эго), а в другой ветви (в постмодерне) Другой опять включается в сердцевину философствования (таково, по Ларюэлю, ницшеанское и делезианское вечное возвращение, т.е. возвращение Того же Самого и Другого, вращающихся друг вокруг друга). В целом матрица модерна, говорит Ларюэль, это смесь (микст) мифологического субъекта и математического Другого — микст, сверх-детерминированный вечным возвращением мифо-философского (не родового!) субъекта. Понятно, что для современного мышления в его ларюэлевском понимании, основанном на волновом и векторном родовом субъекте, вопрос о его расщеплении или соположении с Другим, а потому о экстраполяции Другого и/или его вечном возвращении не стоит.

Отношению современного стиля мышления (в его ларюэлевском понимании) к Логосу также описывается через двоякое противопоставление: современное мышление должно избегать как окаменения Логоса (происходящего в мифе или в формальной аналитике), так и его абсолютной разбросанности в спекулятивном мышлении (по типу Бадью и Мейясу). На место стремления только дедуцировать и конструировать (конституировать) или только свободно оперировать Логосом ради той или иной цели должна встать установка на *изобретение новых смыслов*, в пределе же — установка на *изобретение механизма изобретения* (в московском докладе об этом механизме говорится как о «коллайдере концептов»).

Фундаментальное различие между модерном и современным мышлением Ларюэль проводит

по грани между *архаичным* и *футуральным*. Следует, видимо, понимать, что для Ларюэля своеобразно трактуемая им «архаика» — это ахиллесова пята модерна, который мнит себя темпоральным и футуральным, в то время как по сути он не может избавиться от установки на архаичное. Ларюэль фиксирует здесь темпоральный провал мысли модерна или — разлом, который распространяется в модерне по всем направлениям: иногда в будущее, иногда в прошлое. Современное мышление по Ларюэлю, напротив, ориентируется на «футуральность» и потому должно стать *открыванием* того, что «отдирает» родовое как от партикулярного бытия, так и от первого бытия (Бога). Имплицитная установка модерна на архаику при всей его эксплицитной направленности на футуральное создает в ларюэлевском модерне остров вечности, на котором тот окаменевают и созерцают (раздумывают), сублимируя прошлое. Истинная же футуральность современного мышления спасает прошлое без его репродуцирования.

Скрытая установка на архаику, говорит Ларюэль, сказывается и на крайней форме свойственного модерну пафоса *поверхности*: этот пафос несет в себе смысл осуждения пост-архаичного теоретического прошлого философии; модерн стремится сформировать из этого теоретического прошлого *tabula rasa*, своего рода иллюзию. Модернисты никогда не удосуживались придать теоретическому прошлому действительную позитивную реальность, опасаясь повысить тем самым его статус. Современное мышление, по Ларюэлю, должно осознать это насилие модерна над теоретическим прошлым и произвольность его поверхностных решений (модерн не способен что-либо делать, кроме как осуждать). В этом пункте ларюэлевский современный стиль философского мышления буквально поднимает бунт против философии модерна. Так, в аннотации к докладу Ларюэль (в подчеркнутых схематичных и упрощенных формулировках) говорит, что философия модерна использует в своих интересах (эксплуатирует) по сути *одну* хорошо разработанную традицию (Платон, Декарт, Гуссерль), в то время как современная философия не третирует теоретическое прошлое, а, напротив, нуждается сразу во всех его традициях, и только такая установка может обеспечить как изобретение новых, так и постоянную реактуализацию (в сколь угодно трансформированных формах) старых, «традиционных» смыслов. В случае модерна во главу

угла ставятся категории *понятия* и *сущности* как сверх-детерминирующие силы, современное же мышление, напротив, ослабляет силу и доминирование понятия и сущности, одновременно критикуя и категорию репрезентации. Попросту говоря, заключает аннотацию Ларюэль, век модерна есть окаменевший и архаичный логос, современное же мышление обещает заново изобретенный будущий логос.

Второй день семинара был посвящен краткой автопрезентации доктрины «не-философии» Ларюэля, которая, согласно авторскому замыслу, как раз и представляет собой нечто вроде предварительного наброска основ современного типа мышления. Анна-Франсуаза Шмид дополнила эту презентацию эпистемологическим ракурсом, объяснив, в каком смысле и каким образом не-философия Ларюэля «со-работничает» с наукой.

Дискуссия

Обсуждение было заинтересованным и острым. Поскольку концепция Ларюэля мало известна в Израиле, Габриэль Моцкин, который вел заседание и представлял Ларюэля собравшимся иерусалимским философам, задал ряд уточняющих вопросов, направленных в том числе и на уточнение соотношения ларюэлевской позиции с доминирующей в Израиле аналитической философией. Развернулся диалог, и хотя полного взаимопонимания достигнуто не было (установка Ларюэля антианалитическая), этот разворот темы во всяком случае позволил участникам дискуссии точнее понять те особенности представляемого Ларюэлем современного типа мышления, которые отличают его как от классики и модерна, так и от влиятельного аналитического стиля философствования.

М. Денн, оценивая доклад со стороны французской философии, поставила вопрос о возможности расширить поле не-философии, включив в него элементы историзма. Ларюэль ответил в том смысле, что не-философия в ее настоящем виде, особенно с введением в ее состав квантического слоя, развивается уже вне исторического подхода и не может ассимилировать его в полной мере. М. Денн, тем не менее, продолжала отстаивать свою идею, пояснив, что имеет в виду не традиционное для классической философии понимание истории, а новую постановку проблемы историзма. В частности, благодаря сопоставлению открываемых в не-философии разных горизон-

тов осуществления бытия в истории, можно, согласно М. Денн, выйти к новому истолкованию онтологического статуса бытия, а через него — к идее отрицания параллелизма истории бытия и истории западной философии. В заключение М. Денн высказала идею, что не-философия, с одной стороны, имеет теоретические точки соприкосновения с искусством, а с другой стороны — сама может быть выражена в поэтическом творчестве (последнее положение прозвучало неожиданно в свете ларюэлевского понимания современного стиля философии).

Людмила Гогтишвили, подходя к ситуации с точки зрения соотношения французской и русской философии (в частности, «не-философии языка» Ф. Ларюэля и философии языка А. Лосева), выразила мнение о закономерности и своевременности появления в доктрине Ларюэля понятия особого (современного) стиля мышления, так как благодаря этому нововведению начинает заполняться зиявшая лакуна между содержанием и стилем не-философии и намечается недостававшее связующее звено между оригинальной авторской концепцией не-философии, современным общим философским контекстом и историей философии, в частности, русской. Однако этот новый этап требует от Ларюэля, по предположению Гогтишвили, с одной стороны, обновленного обоснования соотношения между не-философией и философией (ведь теперь *всей* философии вменяется в обязанность перенять стиль «современного мышления»), с другой стороны — более прицельного, нежели это было представлено в докладе, рассмотрения не только тематических, но и «операциональных», т.е. собственно стилистических и лингво-философских, особенностей предлагаемого «современного» типа мышления.

И. Дворкин сказал в своем выступлении, что с удовольствием услышал новую современную версию скрещения философии с математикой и квантовой физикой. В качестве предположения Дворкин высказал мнение о возможном генетическом родстве или о независимой близости ларюэлевских идей с концепцией С. Маймона и с неокантианским подходом к этой проблеме, отметив, в частности, сходство ларюэлевского векторального драйва с концепцией дифференциала у С. Маймона и Г. Когена.

Й. Регев высказал мнение, что внутренняя логика концепции Ларюэля остается непроясненной; не до конца ясны и мотивы создания не-философии. Возможно, это ощущение вызвано

неотчетливой экспликацией или сознательным сокрытием той конкретной позиции, на которой стоит Ларюэль, в то время как такая позиция — в той или иной степени ее определенности и насыщенности — имеется всегда; во всяком случае, с точки зрения материалистической диалектики. Создается также ощущение, что предлагаемые Ларюэлем процедуры мышления и аксиоматические определения используются в не-философии недифференцированно, что приводит к их смешению. Регев высказал предположение, что если бы исходная внутренняя позиция Ларюэля была эксплицитно заявлена, то основной постулат не-философии — о радикально имманентном родовом Реальном — можно было бы определить гораздо точнее. Поскольку ларюэлевский принцип не-позициональности высказывания, по всей видимости, оценивался выступающим как неосуществимый (утопический), Регев исключил, что такая позиция и такой жест в не-философии все же имеется, но что он намеренно оставлен имплицитным, функционирующим как ее закамouflированный подтекст. Было высказано также предположение о том, что двумя основными линиями, определяющими и внутреннее развитие философии Ларюэля на ее различных стадиях, являются, с одной стороны, проблематика жеста, как она сформулирована в ранней книге Ларюэля о Равессоне, а с другой — вопрос о принципах материалистической диалектики, поставленный Альтюссером. Именно пересечение двух этих векторов образует, с точки зрения Регева, то проблематическое пространство, в котором движется мысль Ларюэля, — без того, чтобы об этом был дан эксплицитный отчет.

Т. Караченцева задала два вопроса. Первый вопрос касался искусства: поскольку не-философия ищет человеческий опыт совместности философии, науки, искусства, религии и т.д., то каким образом (и с каким преобразованием) может войти в это (генерическое) сцепление то, что сегодня называют искусством? Второй вопрос касался «футуральности» (не-будущего). Поскольку вводится не-философское мышление-практика «разрыва» (в том числе и темпорального), то как может быть охарактеризована сама футуральность?

Михаэль Рубак попросил А.-Ф. Шмид уточнить оставшуюся не вполне ясной концептуальную связь между теоретическими постулатами не-философии с ее «современным» типом мышления и эпистемологическими основаниями естественных наук.

В дальнейшем обсуждении были подняты две вызвавшие общий интерес проблемы. Сначала Дрор Инон, а затем (в более развернутой форме) Хаим Доэль-Лусски поставили вопрос о соотношении имманентного Родового и Божественного. Их интересовал прежде всего вопрос о том, стоит ли за имманентным Родовым теологический первотолчок. Ответ Ларюэля был мягко отрицательным, но завязалась острая дискуссия, в ходе которой со стороны израильских участников прозвучал и второй, также оставшийся в докладе не вполне проясненным, вопрос о статусе, который придается Ларюэлем Другому (частности, по сравнению с левиновским соотношением Я и Ты). Хотя в концептуальном отношении позиция Ларюэля известна (в московском докладе говорилось о стремлении провести не-философию между Платоном и Левиновым, освободившись от влияния обоих), при утверждении идеи зарождения нового, современного стиля мышления проблема Другого (Ты и Он), действительно, приобретает новые измерения. Но, отчасти из-за лимита

времени, этот вопрос остался на заседании не до конца проговоренным.

На вечернем собрании участников семинара, теперь уже в рамках группы «Диалог» (Центр Чейза), было продолжено обсуждение соотношения ларюэлевской доктрины с иудаикой и каббалой (И. Дворкин), а также был поднят вопрос об интеллектуально-операциональном сходстве не-философии и православного исихазма (М. Денн, Л. Гоготишвили), однако проблема соотношения европейской и русской философии на самом иерусалимском семинаре в полной мере не прозвучала.

Ниже публикуется статья Л. Гоготишвили «Философия языка Лосева и «Не-философия» языка Ларюэля». Построенная на основе сопоставления лосевской и ларюэлевской дискурсивных стратегий, эта работа имеет прямое отношение к теме иерусалимского семинара — к проблеме выявления конкретных особенностей «современного» стиля мышления в его ларюэлевском понимании.